

Посвящается Катарине

Nolite te bastardes carborunorum.

Не позволяй ублюдкам растоптать тебя.

Маргарет Этвуд.

«Рассказ служанки»

Способны ли слова унимать боль и исцелять?

Возможно ли облечь в слова непостижимое? Чтобы взглянуть со стороны, понять, и даже однажды оставить позади? Словно место, где провёл много времени, но после долгих раздумий всё же решил покинуть?

Если я стану складывать слова в предложения и мне удастся вдохнуть искру жизни в свой рассказ — вывезет ли меня этот плот из крошечной тьмы?

Я буду стараться.

Вот мой рассказ, мой спасательный плот. Вначале я расскажу об Элси Свеннс.

Она, если хотите, первая героиня этой книги. А ещё — первая жертва. Очевидно, Элси не подозревала об этом в 1944 году, поздним февральским вечером, сидя на корточках перед маленьким мальчиком в полицейском участке Клары.

Элси

Стокгольм, февраль 1944 года

I

Мальчишка, не больше пяти лет от роду, был одет в рванину, и вшей у него было полно. В давно немых волосах они просто кишели.

— Где живет твоя тётя? — сделала очередную попытку Элси.

Мальчишка не издавал ни звука. Он упрямо сжал губы и глядел вниз, на свои стоптанные башмаки.

Мать мальчонки, Шальная Сара, спала пьяным сном в женской предвариловке, а отца у него и вовсе не было, насколько было известно Элси и констеблям, доставившим Сару в участок на улице Самюэльсгатан менее часа назад.

Двое мужчин в гражданском вошли в узкий коридор, который вел в казарму к неженатым полицейским. Одного из них Элси смутно припоминала. Ходили слухи, что он из Службы. Там борются с угрозами государственной безопасности. Только о таком вслух не говорят, даже в полицейском участке.

Позади себя мужчины оставили едва уловимый запах сигаретного дыма. Мальчишка вдруг зашаркал ногами по

полу, и Элси тяжело вздохнула. Она уже всё перепробовала — прямо ужом перед ним вилась. Налила теплого молока, даже не пожалела для него кусок марципана, который констебли добыли поутру в кондитерской лавке на Дроттинггатан. Всё без толку.

Глядя на этого малыша, Элси задумалась о той семье, какая могла бы быть у неё.

У Элси был жених, Аксель. Он был родом с севера — огромный, как медведь. И сердце у него было золотое.

Четыре года назад перевернулся и затонул паром, который должен был переправить два взвода солдат Боденского инженерного полка через озеро Армашерви в Турнедален. Вода была ледяной, а солдаты — в полной амуниции. У Акселя не было ни единого шанса, таким он был большим и тяжелым.

А спустя всего месяц после его гибели Элси поняла, что ждет ребенка. Слишком поздно было что-то предпринимать по этому поводу. В любом случае Элси не хотела обращаться в подпольный абортарий — велик был риск истечь кровью на полу в каком-нибудь подвале.

Следующей весной Элси без лишнего шума родила дочь. Среди её знакомых нашлась женатая пара — Вальдемар и Хильма — которые согласились позаботиться о малышке Бритт-Мари, по крайней мере, до тех пор, пока Элси не встанет на ноги. «Встать на ноги» на практике должно было означать замужество. Но у Элси больше не было жениха, так что, оставляя свою крошку вместе с нехитрым приданым — помолвочным кольцом, которое ей подарил Аксель — на попечение Хильмы и Вальдемара, Элси знала, что, вероятно, никогда не сможет забрать Бритт-Мари.

С тех пор не проходило и дня, чтобы Элси не тосковала по Акселю и Бритт-Мари, по семье, иметь которую ей не позволила судьба. Но Элси сумела сделать шаг вперед. Жизнь продолжалась, ибо именно этим жизнь и занимается. Элси неплохо устроила свой быт, уехав далеко от швед-

ской деревушки Корсхольм в финском Эстерботтене, где она родилась.

Теперь Элси служила полицейской сестрой в Кларе* и снимала комнату у одной вдовушки в новом многоквартирном доме** на улице Корсбэрсвеген у таможни Рослаг-стулль. В этом доме были собраны все современные блага, включая ванну и электрическую плиту, которая включалась, когда скормишь ей жетон. Здесь всё было иначе, совсем не так, как в ночлежке на Вальхаллавеген, где прежде обитала вдова со своими тремя детьми.

Каждый день Элси ездила на трамвае от Восточного вокзала до площади Норрмальмсторьет, а затем короткой тропой бежала в полицейский участок на улице Самюэльсгатан.

Очень достойная жизнь.

Неизмеримо лучше, чем была у её матери или бабушки. Непросто было осознать, что теперь женщины могли делать практически всё то же самое, что и мужчины, — работать, голосовать, самостоятельно заботиться о себе и жить независимо. И даже служить в полицейском участке — в самом сердце мужского мироздания.

* * *

Мерта Карлссон поднялась со своего места за столом в трактире «Три рёмера»*** на углу Ререрингсгатан. Почканувшись, она схватилась за спинку стула, чтобы удер-

* Клара — нижняя часть острова Норрмальм в Стокгольме, получила своё название от Церкви Св. Клары; в настоящее время название Клара является синонимом старого города.

** Barnrikehus — вид социального жилья для многодетных и малообеспеченных семей из рабочего класса, впервые появилось в Стокгольме в 1935 году.

*** Рёмер — бокал для вина из цветного стекла, как правило, коричневого или зеленого. Заведение «Три Рёмера» являлось одним из самых известных в Стокгольме, и находилось на одном месте с 1688 г. вплоть до 1962 г.

жаться на ногах. Потом украдкой потянулась к корзинке и тихонько сунула хлеб себе в сумочку.

Её подждал мужчина в пальто и шляпе, в руках у него был портфель светлой кожи. Он взял Мерту под руку, и они стали нетвердым шагом пробираться между столиками к выходу.

Мерте сегодня подфартило, да ещё и как. Этот мужчина — птица высокого полёта, могущественный и — что самое главное — состоятельный. И платил он щедро, с некоторых пор Мерте это было известно. Ко всему прочему, он не затягивал свое дело, да ещё и пах хорошо. Ни от его тела, ни из его рта не исходил этот противный дух, который Мерта не выносила.

— Могу я угостить даму сигаретой? — поинтересовался спутник, когда они с Мертой выбрались на воздух.

Она плотнее запахнула плащ и, ища опоры, схватилась за фонарный столб — Мерте казалось, что земля под ногами качается. Однако прикосновение к ледяному железу словно огнём обожгло руки. Мерта отдернула их и попыталась согреться, растирая ладони.

Её спутник вынул из кармана серебристый портсигар с гравировкой в виде щита на крышке, но мир благородных господ был страшно далёк от мира Мерты, и та понятия не имела о том, что это за герб. Ей даже не было любопытно. Она взяла предложенную сигарету и наклонилась вперед, когда её спутник привычно щёлкнул зажигалкой. Мерта втянула дым в лёгкие.

— Чёрт побери, — пробормотала она, — настоящий табак. Уже позабыла его вкус.

Мерта широко улыбнулась, слегка отвернув голову в сторону, чтобы мужчина мог видеть только левую половину её рта, где еще наличествовали все зубы.

Спутник Мерты тоже закурил.

— Не пора ли нам? — спросил он, указывая на вымощенную булыжником мостовую, которая расстилалась перед ними в темноте.

Мерта кивнула, и они направились в сторону её жилища на Норра Смедьегатан. Повсюду в темноте они натякались на небольшие компании. Один мужчина, двигавшийся по тротуару им навстречу, приветственно кивнул и приложил руку к шляпе. Спутник Мерты поспешно отвёл взгляд.

— Тшш, — предупредительно шепнула Мерта, когда они пришли на место и вошли с улицы в подъезд.

— Обещаю вести себя тихо как мышь, — шепнул он в ответ, положив руку ей на ягодицу.

Мерта фыркнула и потянула его вслед за собой через внутренний двор к дому на второй линии. Снежинки ложились ей на волосы, и Мерта постоянно смахивала их свободной рукой, чтобы старательно накрученные локоны не намокли.

На втором этаже она достала ключ и отперла маленькую дверцу, за которой оказалась крошечная каморка.

Как только они вошли внутрь, Мерта сразу заперла дверь и спрятала ключ в щель между половицами — бывало, что её клиенты пытались ускользнуть, не заплатив.

Мужчина подошел к ней сзади и грубо вцепился руками ей в груди. Он стал их мять и сжимать. Мерте пришлось прикусить язык, чтобы не застонать от боли. Она выждала пару мгновений, а затем вывернулась из его захвата и зажгла светильник у входа.

Вся обстановка комнатёнки, в которой едва удавалось встать в полный рост, состояла из лавки и стула. В ней не было окна, но зато прямо под крышей в одной стене было проделано отверстие. На полу у стены стоял мешок с картошкой, а рядом с ним валялась пара поломанных деревянных ящичков, которые Карл, муж Мерты, обещал починить. Прямо напротив входной двери была другая — та, что вела в комнату, где Мерта обитала с мужем и детьми. Эта дверь была такой низкой, что пришлось бы согнуться пополам, чтобы протиснуться в проём.

С другой стороны двери донесся детский плач.

Это Хольгер, её младшенький.

Вот уже две недели его мучила лихорадка и он кашлял кровью, а Мерта и не знала, что с этим поделать. У нее не хватало денег, чтобы отвести его к доктору, а просить помощи у сестер милосердия она не осмеливалась — они и так уже решили между собой, что Мерта не способна позаботиться о собственных детях.

«Хоть бы он остальных не разбудил», — подумала Мерта. Плач захлебнулся. Наверное, уснул.

Она скинула свои не по погоде тонкие туфли и положила плащ на стул. Повернулась к гостю. Сняла с него шляпу и пальто, и положила поверх своего плаща на стул. Затем привычными движениями расстегнула его ремень и пуговицы на брюках.

Брюки упали на пол, и остались лежать у его бледных ног.

Протянув руку, Мерта констатировала, что член у него слишком вялый.

Она тихонько хихикнула.

— Кто-то здесь приуныл.

— Прости?

— С таким настроем особенно не порезвишься.

Мерта засмеялась в голос, до хрипоты.

— У тебя слишком холодные руки, — ответил гость, отступая на шаг.

— Раньше никто не жаловался, — фыркнула она. Она стоила своих денег, пусть он знает, даже если ничего не выйдет.

Несмотря на то, что света от стеариновой свечи было немного, Мерта заметила, как изменилось выражение его лица. Глаза сузились, зрачки расширились, рот искривился в ухмылке. Он сделал шаг, схватил её за запястья и зашипел:

— Я не позволю какой-то шлюхе так со мной разговаривать.

Капельки его слюны брызнули ей прямо в лицо, и Мерта попыталась отвернуться.

— Ай, пусти!

Он отвесил ей такую пощечину, что Мерта потеряла равновесие и упала на пол.

— Ты просто маленькая грязная шлюшка. Понимаешь?

Мерта была скорее удивлена, чем напугана. Они ведь уже встречались прежде. Он из благородных, из знати, а такие не дерутся, и не пьют беспробудно, и всегда платят по счетам.

Гость наградил Мерту тычком под ребра, не особенно сильным, но содержимое её желудка немедленно фонтаном поднялось к нёбу. Рвотные массы перекрыли дыхание, и Мерта попыталась продуть нос.

Она так привыкла к побоям и от рук мужа, и от клиентов, что практически утратила чувствительность. А вот рассудок остался при ней — в этом ремесле без него никак, или долго не протянешь.

Мерта отползла к низкой дверце, что вела в её жилище, и распахнула её, а потом на четвереньках вошла в кухню.

Хольгер сидел на полу у плиты и глядел прямо на неё своими большими светлыми глазами. Из рукавов сорочки торчали тощие, отливающие синевой ручки. Взгляд Мерты зацепился за какое-то пятно у него на груди. Поначалу она решила, что это кровь, но, приглядевшись внимательно, поняла, что малютку вырвало.

— Хольгер, — выдохнула она. — Тебе надо...

В следующее мгновение гость схватил Мерту за щиколотки и дернул назад. Ударившись головой об пол, она осеклась. Мерта принялась шарить в воздухе руками, пытаясь нащупать хоть что-нибудь, за что можно было бы схватиться, но ей попало лишь кухонное полотенце, край которого свисал с лавки, стоявшей у плиты. Мерта ухватилась за ткань, и вместе с полотенцем потянула за собой разло-

женную на нём для просушки посуду, когда гость вновь рывками стал тащить её назад, в каморку. Посуда разлетелась вдребезги, и осколки рассыпались по полу.

Мерта всё ещё не чувствовала страха.

Она думала о хлебе, что прихватила в трактире. «Нужно обязательно потом отдать его Хольгеру. Раз его вырвало, ему непременно нужно хоть чуть-чуть поесть».

— Хольгер! — закричала Мерта.

Гость тем временем сантиметр за сантиметром втаскивал Мерту обратно в каморку. Личико Хольгера с глубоко запавшими глазами и пятно рвоты у него на груди исчезли из вида. Мерта ничего не могла сделать, только упрямо цеплялась за полотенце и волочила его за собой, вместе с деревянной поварешкой и осколками посуды.

Гость захлопнул дверь, наклонился и достал из своего портфеля какой-то металлический предмет.

— На спину! — прорычал он.

Когда она отказалась подчиниться, он ударил её ногой в живот. Удар был такой силы, что у Мерты перехватило дыхание.

Он рывком перевернул несчастную лицом к себе и свободной рукой схватил её за волосы, а затем с силой ударил головой об пол.

Бум. Бум. Бум.

Вот теперь Мерта завопила как безумная от невыразимого ужаса.

Впервые ей стало по-настоящему страшно — потому что в неверном свете стеариновой свечи она разглядела, что за предмет держал в руках её гость.

* * *

— Фрёкен Свеннс?

Элси поспешно вскочила с места и сделала небольшой книксен. Одёрнула форменную юбку, которая была ей тесновата.

— Да, старший констебль?

Широко расставив ноги, в дверном проёме стоял Седерборг, держа в руках старый номер «Полицейских Расследований». После секундного колебания он сощурил глубоко посаженные глаза и заговорил:

— Фрёкен Свеннс может сопровождать констеблей Буберга и Старка на улицу Норра Смедьегатан. Мы получили сообщение о серьёзном скандале в одной из квартир, но все оборудованные радиосвязью автомобили заняты, и я не могу переговорить с Обергом и Цеттерквистом.

Оберг и Цеттерквист сегодня вечером осуществляли пешее патрулирование третьей линии. Очевидно, они не заметили мигания лампочки на пожарном извещателе, и потому не телефонировали в участок. А радиомобили в последние дни всё чаще выезжали на вызовы, тем более что на весь Стокгольм таких машин было только восемь.

— Чёрт знает, где их носит, — пробормотал старший констебль. — Небось стоят и курят себе на каком-нибудь крыльце, как обычно. Шалопаи, вот они кто.

Едва он договорил, как Элси поспешно схватила со стула пальто и перчатки. Её сумочка при этом свалилась на пол и раскрылась, и оттуда вылетели несколько продуктовых талонов.

— Если, конечно, у фрёкен Свеннс нет более важных дел, — сухо закончил старший констебль.

Элси залилась краской и в спешке сгребла в кучу свои вещи.

— А мальчик? Что с ним делать?..

— Он побудет пока в предварилровке, вместе с мамашей, — нетерпеливо прервал её Седерборг. — В той квартире на Норра Смедьегатан как пить дать кишмя кишит малышня, так что я хотел бы, чтобы туда отправилась фрёкен Свеннс.

— Так точно, старший констебль.

— И будьте осторожны!

Элси подняла взгляд на начальника и серьёзно кивнула. Она надела пальто и бросила последний взгляд на маленького мальчика, теребившего край плотной бумаги, которая в целях затемнения была прикреплена к оконной раме кнопками. Взгляд его будто остекленел, а из груди внезапно вырвался хриплый кашель. На кончике маленького носа каплей повисла сопля, в свете лампы казавшаяся ярко-жёлтой.

Буберг и Старк уже поджидали её в сумерках снаружи. Редкие снежинки тут же подхватывал порывистый ветер и уносил прочь.

— Фрёкен Свеннс, — просиял констебль Буберг.

Буберг был Элси по нраву. Он всегда был приветлив, и частенько угощал её сигареткой или чашечкой суррогатного кофе. Можно было даже подумать, что Буберг питал к Элси тот самый интерес.

Вот только он женат и у них был малыш.

Буберг снова улыбнулся и потёр покрасневший нос. Взглянув в его добрые глаза, Элси почувствовала, как заняло сердце от тоски по тому, что могло бы сбыться, если бы не эта ужасная война. Она привыкла к затемнению, продуктовым талонам и палёному кофе. Элси научилась обходиться без горячей воды и новой одежды. И даже ужасные толстые трубы, которые повсеместно лежали в парках, чтобы те, кому не посчастливилось спрятаться в бомбоубежище, могли во время авианалёта укрыться под их защитой, — даже эти уродливые трубы не беспокоили Элси. Но тоска по утраченному будущему, которое принадлежало им с Акселем и их малютке-дочке, не отпускала ни на мгновение. Эта тоска точила её душу по ночам и следовала за нею по пятам днем, словно маленький злобный зверёныш, непрощенный и нежеланный питомец, которого по непонятной причине ей приходилось кормить.

Вместе они быстро миновали небольшой участок пути до Дроттнинггатан и свернули направо. В сумерках мимо проехал омнибус. Вплотную к фасадам домов примыкали

аккуратно сложенные штабеля дров, за которыми вольгот-но обитали жирные городские крысы. Компания перевоз-бужденной свингующей молодежи направлялась, по всей видимости, в какое-то заведение или даже подпольный клуб. Несмотря на явный мороз, полы их пальто были рас-пахнуты, и узкие черные галстуки развевались на ветру, как флаги. Каждый из них одной рукой удерживал на за-тылке широкополую шляпу, чтобы её не унесло ветром.

У входа в гостиницу «Хотель де Суэде» сгрудилась кучка пёстро одетых гуляющих, а водитель стоящего поб-лизости такси возился с газогенератором. С другой сторо-ны улицы сияли стеклянные эркеры гостиницы «Хотель Регинас» и её массивные, отполированные добела латун-ные двери. Аксель, бывало, отпускал шутку, что брачную ночь нужно провести в этой гостинице, и причём в том самом номере, где в 1917 году ночевал Ленин.

Ветер трепал старую листовку. «Русские бомбят Сток-гольм», с ужасом прочитала Элси заголовок.

Еще и недели не прошло с тех пор, как русские дей-ствительно бомбили шведскую территорию. Может быть, по ошибке, а возможно — вполне намеренно, здесь мнения людей разнились. В Эриксдале пострадала насосная стан-ция, а на улице Рингвеген взрывная волна раскрошила, словно тонкий лёд, все оконные стёкла.

— Фрёкен Свеннс лучше держаться на шаг позади, когда мы войдем, — сказал Буберг. — Гражданин, который звонил нам, предупредил, что в квартире была какая-то бойня. Звуки были такие ужасные, что соседи решили — дом рухнет.

— Хорошо, — отозвалась Элси, ощущая прилив благо-дарности к двум крепким констеблям. Она не так уж часто принимала участие в подобных заданиях, особенно теперь. Да и не пристало женщине в одиночку шляться по Болоту (так ещё называют район Клара) в такое позднее время.

Они спустились по Хамнгатан. Впереди уже можно было различить силуэты универмага Сиденхюсет и театра Бланш. Со стороны доносился скрип трамвая, подъезжавшего к площади Нормальмсторьет.

Мороз кусал за щеки, так что Элси зарылась лицом в воротник и нахохлилась. Им оставалось только повернуть направо, к Норра Смедьегатан.

— Его зовут Карл Карлссон, — сообщил Старк, который до того не произнес ещё ни слова.

Старк обычно бывал суров и молчалив, и Элси до сей поры так и не разгадала, стеснение ли было тому виной или же попросту дурное воспитание. Возможно, причина крылась и в том, и в другом. Или же он был одним из тех, кто считает, что женщинам не место на полицейской службе.

— Карлссон? Снова он? — переспросила Элси.

Карл Карлссон — известный пьяница и бузотёр. В последний десяток лет он только и делал, что как маятник возвращался в стены Лонгхольмена*. Его жена, Мерта Карлссон, тоже попадала в поле зрения правоохранителей. Она, как и муж, дружила с бутылкой, а ещё вела распутный образ жизни и даже была осуждена за проституцию и бродяжничество.

Через несколько минут они были на месте.

— Вот и пришли, — констатировал Буберг и распахнул входную дверь. Они оказались на неосвещённой лестнице и на мгновение остановились, чтобы прислушаться. Единственными звуками, которые доносились до них из-за толстых каменных стен, были приглушённый кашель и детский плач.

— Кажется, всё спокойно, — пробормотал Буберг.

В тот же миг зажёгся свет, и на лестницу вышел мужчина. Маленький, сгорбленный, одетый в полосатую руба-

* Центральная тюрьма Лонгхольмен — исторически одна из крупнейших в Швеции, построена в 1874–1880 гг.